

Борис Григорьевич Фёдоров

**Известный экономист, государственный
и политический деятель, дважды
становившийся министром финансов РСФСР
и РФ, а также вице-премьером правительства.**

Фондовые страсти

14 июля 1990 года, сменив А. А. Бобровникова (занимавшего этот пост 17 лет!), я стал министром финансов РСФСР. Сразу попытался выяснить: кто в министерстве отвечает за ценные бумаги. Таких не нашлось, поэтому решили ответственность возложить на Беллу Ильиничну Златкис, она отвечала за сбережения населения и советский госзаём и была вроде как ближе всех к теме. Я передал ей проекты законов, подготовленные мною ещё в социально-экономическом отделе ЦК КПСС: Закон «Об акционерных обществах», Закон «О рынке ценных бумаг» и Закон «О государственном долге». Все проекты я хранил. Проект закона о долге был совсем маленьким, а два других были достаточно проработанными и объёмными.

Частично эти материалы вошли тогда в программу «500 дней» (2-й том — финансовые и денежно-кредитные вопросы), дальше над ними работала Белла Ильинична и другие сотрудники. Для повышения квалификации я направил Б. И. Златкис на краткую стажировку в США. Очень хотел в процесс написания законов вмешаться Григорий Алексеевич Явлинский со своими сотрудниками Михаилом Задорновым и Алексеем Михайловым. Он же привёл Питера Дерби из «Диалог-банка», принесшего с собой американский аналог закона о рынке ценных бумаг.

Действовал я, не скрываю, просто, не пытаюсь продемонстрировать глубину собственной проработки документов: взял за основу английское законодательство и трансформировал текст под нужды российской экономики, с учётом нашей специфики.

Вскоре выяснилось, что премьеру Силаеву ничего этого не нужно, и принимать постановления и проекты законов он не собирается. Тогда в декабре 1990 года

я написал Ельцину заявление о своей отставке, среди причин значился и саботаж Ивана Степановича.

Силаев с перепугу, узнав, что я обвинил его в саботаже, быстро, задним числом, подписал подготовленный нами проект постановления об акционерных обществах. Оно было принято якобы 25 декабря 1990 года под №601, а на самом деле на несколько дней позднее. Но 28 декабря 1990 года я всё-таки ушёл из министерства.

Постановление служило долго. Только в 1993–1995 годах оно было переработано под эгидой Анатолия Борисовича Чубайса и вышло в виде Закона «Об акционерных обществах». Во время подготовки закона, в 1993 году, я второй раз стал министром финансов. Мы в кабинете Анатолия Борисовича много спорили: я не мог понять, зачем в проект вносится целый ряд пунктов. Но поскольку он человек жёсткий, а обсуждаемой темы тогда ещё не вполне понимал, убеждать его было трудно. Кстати, не все переделки пошли закону на пользу. Плюс к этому, если авторов нашего постановления можно было сосчитать на пальцах одной руки, и подготовка его практически ничего не стоила, то у Чубайса трудился большой коллектив советников и консультантов, в том числе американских.

13 ноября 1992 года вышел Закон «О государственном внутреннем долге», под №3877-1, а 28 декабря 1991 года под №78 вышло постановление «Об утверждении положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР». Всё задуманное нами в 1990 году было реализовано!

Хотелось вспомнить ещё один забавный случай периода моего первого хождения во власть. В Минфине хранились не реализованные и никому не нужные облигации РСФСР. Скажите, кто купил бы эти бумаги в 1990 году с прибыльностью 5%? Тем не менее я дал Белле Ильиничне поручение разместить объявление

У Чубайса трудился большой коллектив советников и консультантов, в том числе и американских.

ДЖОН! ПОСМОТРИ В СЛОВАРЕ,
КАК ПРАВИЛЬНО ПИШЕТСЯ СЛОВО —
«ОБЛИГАЦИЯ» ИЛИ

«ОБЛЕГАЦИЯ»?!

А С КАКОЙ БУКВЫ ЭТО СЛОВО НАЧИНАЕТСЯ?

С «О» ИЛИ С «А»?!

А судьи кто?

в «Экономической газете» об их реализации. И мы осенью 1990 года облигации продали, в том числе каким-то предприятиям и колхозам, с существенным дисконтом с помощью обратного — «голландского» аукциона. Кто тогда знал о таких аукционах?! Бумаги были ещё «бумажными», и Златкис со своими мальчиками сидела, ставила на них печати и расписывалась.

Тогда же мы создали Московскую международную фондовую биржу. Я собрал рабочую группу для подготовки её Устава во главе с Б. И. Златкис, выпустил соответствующее распоряжение. Возглавил биржу сотрудник Министерства финансов СССР Андрей Захаров. При мне 5 ноября 1990 года биржа была зарегистрирована, через год на ней начались регулярные торги. Однако после моего ухода она оказалась никому не нужна и вскоре прекратила свою деятельность (Захаров вскоре трагически погиб — был убит).

Уход мой был связан и с тем, что меня активно подсиживали первый заместитель министра И. Н. Лазарев и первый заместитель председателя Совета министров РСФСР Ю. В. Скоков. Силаев был безучастен! Лазарев в результате после меня возглавил министерство и стал помогать Скокову подсиживать Силаева. Ещё через 9 месяцев он покинул министерский пост и перешёл в налоговую службу. Вновь мы встретились в 1993 году, когда я вернулся в министерство финансов. Я тут же предложил Лазареву написать заявление об увольнении по собственному желанию. Возможно, он неплохо знал советский бюджет, но в новых условиях был человеком абсолютно неадекватным. Его неспособность ориентироваться в современной экономике сочеталась с мнительностью, доходившей до шпиономании.

Но самое главное, что мои оппоненты активно интриговали, пытаясь заставить меня конфликтовать с союзным Минфином. Активную роль в развале играл, кстати, и первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР коммунист Ю. М. Воронин! Особенно вопрос обострился при подготовке государственного бюджета 1991 года. Российские руководители хотели прекратить все отчисления в союзный бюджет! Но это

было абсурдное решение. Функций оборонных у нас не было, не занимались мы тогда безопасностью и внешней торговлей, союзный министр финансов Валентин Павлов мне даже компьютеры покупал. У нас с ним были нормальные отношения — Союз ещё никто не отменял.

Даже я, никогда не претендовавший на звание крупного специалиста в бюджетной сфере, понимал, что меня заставляют принять документ, способствующий развалу СССР. Я политикой тогда заниматься не хотел — мне это было не нужно. И Верховному Совету, и председателю правительства я выдвинул ультиматум: определиться, как делать бюджет — в рамках Союза или автономно.

Оценивая теперь, что мне удалось сделать в качестве министра финансов, а что нет, — я удовлетворён. Практически всё задуманное реализовали. Правда, сейчас я признаю: не нужно было столько времени уделять программе «500 дней». На работу в комиссии были потрачены июль и август 1990 года. Я занялся программой, поддавшись на уговоры Явлинского, потому что считал, что тот сумел заручиться поддержкой Горбачёва и Ельцина и у документа есть перспективы. Позже я понял, насколько был наивен!